

The background is a dramatic painting of a stormy sea. In the foreground, a small, dark boat with several people inside is struggling against the waves. The water is a deep, turbulent blue with white foam from the breaking waves. In the upper part of the image, there are dark, jagged, and ethereal shapes that look like spectral figures or monstrous forms emerging from the water or the sky, adding a supernatural or terrifying atmosphere to the scene. The overall color palette is dominated by dark blues, teals, and blacks, with highlights of white from the waves.

Игорь Марков

Пей за наших ребят...

Рассказ из серии
"Портфель забытых воспоминаний"

16+

Игорь Владимирович Марков

Пей за наших ребят...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31507521

SelfPub; 2018

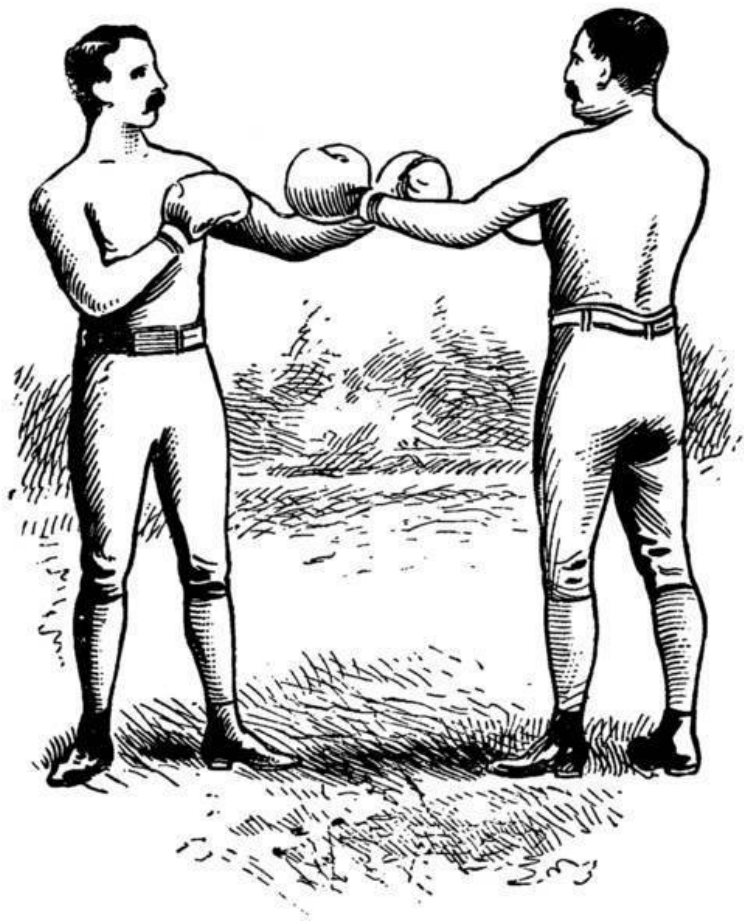
Аннотация

Рассказ о моряке-подводнике, который любил вино и женщин.

Игорь Марков

Пей за наших ребят...

Рассказ

У каждого времени есть свои, на первый взгляд мелкие,

но достаточно заметные приметы. Например, татуировки. Сегодня они очень популярны. Цветные картинки на собственную кожу набивают и знаменитые артисты, и уличные музыканты. А вот солисты группы «АББА» или «Бони Эм» такого себе не позволяли. В эпоху кассетных магнитофонов «Весна-306» синюшные рисунки на разных частях тела кололи только уголовники и моряки.

Однажды в бане я увидел картинку с глубокомысленной надписью: «Что нас губит? Карты, вино и женщины». Наколка украшала плечо бледного худощавого человека с железными зубами и ножевым шрамом от виска к подбородку. Он явно не был похож на капитана дальнего плавания, да и рассказ мой будет не о нём.

Не знаю, какие у Жоры Цветкова были татуировки – в баню я с ним не ходил. Но точно знаю, что азартные игры его абсолютно не интересовали, а вот вино и женщины оказали серьёзное влияние на судьбу молодого матроса.

Главное на военной службе – это дисциплина. Как верно заметил бравый солдат Швейк: «не будь дисциплины, мы бы, как обезьяны, по деревьям лазили». Нарушать дисциплину нельзя. Нарушителей сажают на гауптвахту или, попросту говоря, на губу.

В старинном здании на углу Садовой и Инженерной улиц находилась знаменитая Ленинградская гарнизонная губа. Может быть она до сих пор там находится, вернув себе историческое наименование Санкт-Петербургской, я этого не

знаю, да, признаться, особо и не стремлюсь узнать, чтобы не разрушить целостность воспоминания о том, как в середине 1970-х я, будучи курсантом военной Академии, побывал в её исторических стенах. К счастью, не в качестве арестанта, а часовым – в составе гарнизонного караула.

Вверенный мне для охраны и обороны пост находился на втором этаже в длинном коридоре, по обе стороны которого размещались одиночные камеры для особо злостных нарушителей. Сюда помещали солдат и матросов с длинными сроками – суток по десять, а также настоящих преступников, ожидающих трибунала.

Над дверью в конце коридора зажглась лампочка – это одному из пятнадцати моих арестантов что-то потребовалось.

– Часовой, скажи, сколько время? А то у меня часы забрали, – услышал я голос с той стороны решётки.

Это была даже не решётка, а стальная пластина с круглыми дырочками, намертво приваренная к небольшому окошку в железной двери. Мне через дырочки видно только рот говорящего, но если он отойдёт на пару шагов, то я смогу разглядеть всю его темницу.

Великий архитектор Карл Росси, проектируя «ордонанс-гауз» – «приказной дом», в буквальном переводе с немецко-французского, – основное внимание уделил красоте фасадов. Отделку интерьеров ему, вероятно, не заказывали. Комендантское управление Санкт-Петербурга, для которого здание строилось, посчитало, что для временного содержа-

ния арестованных солдат изысканного дизайна не требуется. Думаю, что в моё время камеры выглядели также, как при великом итальянце. Кроме, пожалуй, электрического освещения.

Площадью камера была не больше купе пассажирского поезда. Только вместо четырёх откидных полок имелась одна – деревянная. Её утром поднимали и пристёгивали к стене висячим замком. Комплект мебели состоял из двух предметов: маленького железного столика и табуретки. Стальные ножки намертво замурованы в цементный пол. Шершавые стены выкрашены унылой желтовато-серой, как прошлогодняя солома, краской.

Как я уже заметил, в одиночках содержали наиболее злостных нарушителей воинской дисциплины, но камера, перед которой я стоял, предназначалась для совсем уж отъявленных негодяев. Её стены от пола до потолка были выкрашены чёрной масляной краской. Тусклый свет, который никогда не выключался, чтобы часовой через окошко мог следить за арестованным, делал её ещё мрачнее. Кроме того, в камере было холодно. По непонятной причине толстая труба водяного отопления, проходящая транзитом через все помещения, здесь была еле-еле тёплой.

Караульные называли эту темницу «чкаловской» – в честь легендарного лётчика Валерия Павловича Чкалова, который якобы сидел в ней после знаменитого полёта под Троицким

мостом. Чкалов, как известно, отличался буйным характером и несколько раз побывал на гауптвахте, но скорее всего не здесь. Для арестованных офицеров в «приказном доме» имелось отдельное от рядовых солдат место.

По соседству с «чкаловской» размещалась «лермонтовская» камера, в которой, согласно местной легенде, содержался великий русский поэт перед отправкой на Кавказ. Она отличалась от «чкаловской» только тем, что её стены были выкрашены чёрной краской только до половины, и труба была погорячее. Опять же не берусь утверждать, что Михаил Юрьевич сживал именно в ней. Но бесспорен исторический факт, что он временно содержался под арестом точно в этом здании. За дуэль с неким Эрнестом де Барантом, сыном французского посла. Биографы поэта приводят разные причины ссоры молодых людей – от политической до бытовой, но по большей части склоняются всё-таки к амурной версии. Оба парня были дерзкими и горячими, не говоря уж о том, что один из них – француз, а другой – потомок шотландца. Ну как тут не подраться? Не совсем ясны также детали поединка. Известно только, что оба соперника остались живы.

Здесь же, кстати, Лермонтова навестил «неистовый» Виссарион Григорьевич Белинский. Они долго беседовали о литературе и искусстве, после чего великий критик публично признал в молодом гусаре великого поэта.

Во время моего дежурства «лермонтовская» камера, к сожалению, пустовала.

– Часовой, я в туалет хочу. Позови выводящего, – попросил «чкаловский» сиделец после того, как я ответил на вопрос о времени.

Здесь надо сделать ещё одно пояснение, касающееся архитектурных особенностей исторического здания. В отличие от обычной российской тюрьмы, где так называемая «параша» находится непосредственно в камере, одиночка, выстроенная по проекту итальянского архитектора, была лишена этого жизненно важного санитарного прибора. Естественные потребности арестанты удовлетворяли по мере их возникновения, вопрошая о том часового. Часовой звонил по телефону выводящему, который неспешно поднимался на второй этаж и препровождал нуждающегося в общий туалет. У выводящего был ключ, и, когда он выпускал арестанта в коридор, часовому полагалось усилить бдительность, как бы тот чего не сотворил. К счастью, за время моего дежурства ничего плохого не произошло. Как говорил товарищ Сухов: «Народ подобрался покладистый, можно сказать, душевный».

Согласно уставу гарнизонной и караульной службы, часовой на посту меняется каждые два часа. Потом два часа бодрствует в караульном помещении, два часа спит – и снова на пост.

Время моей первой смены подходило к концу, когда в коридоре прозвучал тот же тихий жалобный зов:

– Часовой, а часовой...

Я подошёл к двери.

– Поговори со мной, часовой...

– Не положено.

– Ну тогда просто так рядом постой. Тебе же можно около двери стоять? А то я тут один в темноте совсем с ума сойду. Неделю уже сижу...

– А сколько дали? – поинтересовался я.

– Десять суток, – ответил он и, тяжело вздохнув, добавил:

– Пока что...

– А потом?

– Суд может будет... Может посадят... Я мусору нечаянно челюсть сломал.

– Какому мусору?

– Ну, значит, милиционеру?

– Зачем?

– Да ни зачем... Ну, как это обычно бывает... Мужик меня на улице остановил, а я ему – слева... У меня левый хук сильный. Он не прикрылся. Челюсть – хрясь. Я убежать хотел, а он меня завалил. Оказался мастером спорта по самбо, а ещё – милиционером... Я подёргался для порядка, да он меня раза в три тяжелея... Скрутил... Потом разобрался, что я военный, – сдал в комендатуру. Ну а комендант, или кто тут у вас в Ленинграде главный, ночью разбираться не стал – впаил сходу десять суток... Вот сижу...

Это был матрос.

Я успел рассмотреть его по пути в отхожее место. Неболь-

шого роста, худой, можно даже сказать, щуплый. Фланелевка болталась на нём при ходьбе, как оборванный штормом парус. Неуставные широченные клеши и скошенные на ковыбойский манер высокие каблуки говорили, что он на флоте уже не первый год и даже готовится к дембелю. Без поясного ремня и шнурков, изъятых при аресте, матросик смешно переставлял ноги. Стальные подковки с кандальной тоской звякали о плиты каменного пола.

Не успевшая начаться беседа прервалась криками с другого конца коридора. От скуки два подследственных затеяли переключку. За долгие дни в ожидании трибунала они начали понемногу дуреть. Ходить по камере два на два метра – невозможно. Смотреть в окно, которого нет, нельзя. Лежать на нарах днём запрещено. Можно только сидеть на железной табуретке, читать гарнизонную газету «На страже Родины». Или дразнить неопытных караульных курсантов, которые меняются каждый день.

Мои требования прекратить крики на них не действовали. А один вообще лёг на пол и сапогами стал колотить в железную дверь. Грохот, усиленный сводчатым потолком, пронёсся по гулким коридорам и долетел в караульное помещение. Пришёл начальник караула и решил проблему простым, но действенным способом. Молча набрал в туалете ведро воды и вылил бунтовщику в камеру, на каменный пол. Тот сразу успокоился, запросил пощады, и ему выдали тряпку.

Пришла смена.

Пожинав и немного подремав, я заступил на пост во второй раз. Пробыло 12 часов ночи. Повинуясь строгой комендантской инструкции, все арестанты должны были уже спать, укрывшись собственными шинелями. Никаких постельных принадлежностей им не полагалось. Кстати, и тощих матрасов, набитых гнилой соломой, о которых я читал в книжках, тоже не было. Только голые доски и шапка под голову вместо подушки. Моя обязанность – ходить по коридору, заглядывать в дырчатые окошки и следить, чтобы никто не накрывался с головой и не отворачивался к стене.

– Часовой, а часовой.

В тишине ночного коридора послышался знакомый голос «чкаловского» узника.

– Чего тебе? Почему не спишь?

– А сколько время?

– Первый час.

– Не спится, что-то... Ты поговори со мной, часовой.

– Я же тебе сказал: на посторонние темы – не положено.

– А про жизнь... Про жизнь – это не посторонняя тема... Может, я удавлюсь тут с тоски до утра. А тебя накажут. Скажут – не уберёг воина...

– Ну ладно, говори.

Унылый коридор нагонял сон, а тут хоть какое-то развлечение.

– Меня, кстати, Жорой зовут, – радостно начал он. – Георгий Цветков...

Родился он в небольшом провинциальном городке. Учился в школе. Сдавал экзамены в местный институт. Провалился. Отец устроил его к себе на автобазу слесарем, а весной пришла повестка из военкомата. Короче, обычная линия жизни среднестатистического советского гражданина.

Армии Жора побаивался – разное говорили про дедовщину, но косить от службы не стал. Полагал, что чему быть, того не миновать. Думал, что с его профессией автослесаря попадёт в автобат. Получит права. А если повезёт – будет возить генерала на персональной «Волге». Генералу Жора, конечно, понравится, и он доверит ему возить по магазинам свою жену, а жена возьмёт с собой дочку... И тут уж, Георгий, не зевай. Человек, как говорил им каждый год на школьной линейке директор, – сам кузнец своего счастья. Куй, Георгий, железо пока горячо.

Но, как известно, человек предполагает, а бог располагает. И расположил Жорин бог, единый в трёх лицах членов призывной комиссии, отправить Г. Цветкова на флот. И не просто на какой-то там флот, а на Дважды Краснознамённый Балтийский флот, на подводную лодку с пунктом базирования то ли в Литве, то ли в Латвии... Жора всегда путался в географических названиях, хоть и имел в аттестате зрелости твёрдую четвёрку по этому предмету.

Командир учебки оказался заядлым спортсменом. Сам любил спорт и всеми силами привлекал к этому полезному

занятию подчинённых. А Георгий до призыва на военную службу спортом вообще не занимался, кроме обязательных уроков физкультуры. И не то, чтобы он не любил спорт, а скорее спорт не любил его. Равнодушная природа, смешивая мамины и папины гены в известный момент в известном месте, отнеслась к выполнению священного долга без должного энтузиазма. В результате на свет появился вполне здоровый, но мелковатый мальчик, не крепкого, а честнее сказать, хилого телосложения – с «весом мухи», как говорят боксёры. Вот этот-то вес и оказался решающим параметром, изменившим линию жизни Георгия Цветкова.

Шла подготовка к соревнованиям по боксу между кораблями и подразделениями военно-морской базы. В каждой весовой категории набралось достаточное количество участников, а в наилегчайшем весе «мухи» – всего четыре человека. Два из штаба и два из учебки – Жора и Бархатов. Бархатов, кстати, был настоящим боксёром-разрядником, но немного тяжелее, чем требовалось. Поэтому за неделю до соревнований они с Жорой сели на жёсткую диету и каждый день ходили париться в баню. Бархатов показал своему напарнику правильную боксёрскую стойку и научил несколькими основными ударами. За это Георгий научил его свистеть по-разбойничьи – в два пальца.

Интенсивная подготовка дала свои результаты. Георгий стал ещё костлявее, тонкие мышцы приобрели дополнительную силу и упругость. От постоянного голода его немного

шатало при сильном ветре, но характером он окреп. В глазах появились злость и решимость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.